

В коридоре Замоскворецкого суда. Фото: Анна Марголис

27.03.2014, 10:21 Москва

РЕПОРТАЖ

Из автозака в суд

«...она <...> оказал неповиновение, законному требованию сотрудников полиции, размахивал руками и ногами, при этом выражался нецензурной бранью в адрес сотрудников полиции», — говорится в судебном решении по делу одной из сотен задержанных за последние недели. Вот как описывает процесс производства этого постановления «оказавшая неповиновение» Анна Марголис, задержанная 24 февраля у Замоскворецкого суда: «Судья Чепрасова, подхихикивающая блондиночка в мантии, на столе — календарик с котятами, утомленная (рабочий день давно закончился), тараторила с дикой скоростью. Разумеется, виноваты».

Сейчас московские суды завалены подобными делами. Задержанных на акциях признают виновными в правонарушениях, которых они не совершали, выписывают штрафы. Попутно выявляются многочисленные нарушения. Так, дело Анны Марголис рассматривалось одновременно с делом задержанной вместе с ней Марии Коковкиной. Им обеим инкриминировали правонарушения по двум статьям —

20.2 (нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования) и 19.3 (неповиновение закону требованию сотрудника полиции). При этом Кодекс об административных правонарушениях (КоАП) не предполагает возможности не только объединять рассмотрение дел в отношении разных людей, но даже и объединять два административных дела одного человека, что в практике наших судей не редкость: как сказала судья Замоскворецкого суда Людмила Москаленко в ответ на вопрос юриста Максима Крупского, какое из двух дел его клиента будет слушаться первым, «у вас там одно в другое перетекает». Часто в таких случаях оказывается, что человеку инкриминировали два правонарушения примерно за одно и то же, хотя КоАП запрещает выносить два постановления по одним и тем же фактам.

Правда, как указывает юрист фонда «Общественный вердикт» Елена Першакова, поскольку разбирательства по административным делам ведутся, как правило, без протокола, при апелляции в Мосгорсуде будет невозможно доказать, что разные дела рассматривались одновременно. Однако в **постановлении** Пленума Верховного суда № 5 указано, что закон не исключает возможности ведения протокола, поэтому Першакова рекомендует подавать соответствующее ходатайство. Это позволит избежать ситуаций, когда судья устно удовлетворяет ходатайство о вызове свидетеля, а затем выясняется, что в деле есть определение, согласно которому в вызове свидетеля было отказано.

Кроме того, Европейский суд по правам человека не так давно фактически **приравнял** рассмотрение дела об административном правонарушении к рассмотрению уголовного дела, а это означает, что необходимо соблюдение принципа состязательности сторон, стало быть, ведение протокола необходимо.

Судьи крайне неохотно вызывают свидетелей и приобщают к делу фотографии и видео. Елена Першакова считает, что убедить судью в необходимости вызова свидетелей можно, сославшись на **постановление Верховного суда**, где было отменено постановление об административном правонарушении и где четко указано, что отказ в заявленном ходатайстве о вызове свидетелей и приобщении видеозаписей является нарушением ряда статей. Иногда, по словам юриста, судьи могут ограничиться вызовом в качестве свидетелей родственников привлекаемого к ответственности лица — «понятно, что это сделано для того, чтобы затем признать их показания не заслуживающими доверия».

Известны случаи, когда людям не удавалось добиться приобщения собственных письменных объяснений. Першакова рекомендует подавать специальное ходатайство о приобщении письменного объяснения.

По словам юриста, возникали проблемы с приобщением **заявления** Уполномоченного по правам человека, причем даже при наличии копии, заверенной в аппарате Уполномоченного. Самой Першаковой удалось приобщить заявление вместе с отчетами Уполномоченного по каждому из двух дней, когда происходили задержания у Замоскворецкого суда, — 21 и 24 февраля, — только при наличии нотариального заверения.

Впрочем, отказ в вызове свидетелей и приобщении документов — явления уже хорошо известные тем, кто наблюдает за работой судов по административным задержаниям в последние годы. Но есть и новые приемы, например, вынесение однотипных, штампованных постановлений, в которых могут никак не учитываться детали, связанные с конкретным «правонарушителем». «У судьи есть шаблон постановления, в котором сказано: „такой-то пояснил, что в митинге участия не принимал, лозунгов не выкрикивал“, — поясняет юрист организации

„Юриста за конституционные права и свободы“ Татьяна Глушкова. — И тут в суд приходит человек, который ничего не отрицает. Он говорит: „Да, я принимал участие в митинге, я хотел выразить протест, я кричал „Свободу!““. Но когда мы получаем постановление, в нем все равно написано, что привлекаемое лицо якобы отрицало свое участие в митинге. Иногда бывает, что судья допускает защитника в процесс, а в постановлении о нем ни слова, как будто не было в процессе никого, кроме привлекаемого и судьи. Такие постановления выносила, в частности, судья Ирина Зубова из Пресненского суда по итогам рассмотрения дел задержанных 2 марта у Министерства обороны».

Весьма частой проблемой для приходящих в суды граждан, задержанных на акциях, стало попасть на заседание по своему делу. Татьяна Глушкова рассказывает, как 7 марта, накануне праздника, они с подзащитным пришли в Тверской суд, где в 15:10 судья Татьяна Неверова должна была рассматривать их дело, и услышали от приставов, что суд закрылся в 14:00 (никаких документов приставы при этом не предъявляли, ссылаясь на устное распоряжение председателя суда). Когда же проникнуть в здание все же удалось, выяснилось, что суд работает, но заседания по административным делам еще не начинались, включая назначенные на 10:00. «После 14:00 их всех перестали выпускать из суда, — рассказывает Глушкова. — Точнее, выпускать, конечно, выпускали, но говорили, что если они выйдут, то обратно уже не зайдут. Суд продолжал работать, судья Неверова рассматривала какое-то уголовное дело, а люди продолжали сидеть (а кое-кто — и лежать) в коридоре. Потом заседание по уголовному делу закончилось, последовала долгая пауза, и в итоге заседания по административным делам начались в 19:00. Ни о каком доступе публики в судебное заседание не могло быть и речи: пристав запускал только человека, в отношении

которого слушалось дело, и его защитника (при наличии такового), остальные люди не допускались». Юрист полагает, что все эти препятствия были созданы специально для того, чтобы как можно большее число людей не попало на собственные процессы. С кем-то так и произошло: люди, не дождавшись, ушли, а суд признал их виновными в правонарушении в их отсутствие. Глушкова отмечает, что эти люди не смогут доказать, что просидели в суде девять часов и ушли, не дождавшись заседания: «Время входа в суд фиксируется у приставов, но время выхода — нигде».

Нередки случаи, когда человек не доходит до суда, а заседание происходит без него — его просто не оповещают о том, когда заседание состоится. Задержанный того же 24 февраля у Замоскворецкого суда Михаил Успенский рассказывает, что повестки так и не дождался: «Суд состоялся без меня 3 марта. Это я узнал из звонка в суд. Так как постановление почтой до сих пор не пришло, я подозреваю, что они использовали неправильный адрес из протоколов [составленных в ОВД, несмотря на то, что Успенский в объяснении к протоколу указал правильный адрес]. Интересно, что на сайте суда есть данные о движении обоих дел. Если передача дела судье и подготовка к рассмотрению помечена разным временем, то рассмотрение по существу обоих дел судья сделала одновременно — в 10:00. Причем вместе с еще несколькими делами других задержанных».

«Большая часть судей не совершает лишних телодвижений для оповещения людей, не присылает никаких повесток: сам не захотел прийти и узнать дату заседания — твои проблемы. А дозвониться в суды практически невозможно, — предупреждает Татьяна Глушкова и рекомендует, прежде чем идти собственно на заседание, ознакомиться с материалами дела — тогда же заодно можно будет узнать и дату заседания: — В таком случае либо человеку сразу называют дату, когда будет

рассматриваться его дело, либо его просят оставить номер телефона, после чего перезванивают и сообщают. В идеале человек, желающий ознакомиться с материалами дела, должен прийти в канцелярию или к конкретному судье — обычно дела уже расписаны по судьям, — получить материалы, ознакомиться, сфотографировать, сделать выписки и уйти. Иногда все так и происходит. Иногда это сопровождается длительным ожиданием в коридоре — пришедшему объясняют, что судья занята и ознакомиться с документами пока нельзя. Иногда говорят, что ознакомиться с материалами можно будет только после назначения даты заседания — что, конечно, неправда».

Среди новшеств последних недель — готовность некоторых судей рассматривать дела по обязательствам о явке, которые люди пишут в ОВД. Татьяна Глушкова отмечает, что даже если в обязательстве указываются конкретная дата и время явки, она вписываются сотрудниками ОВД абсолютно произвольно, без согласования с судами. И если раньше даты, указанные в обязательствах о явке, не играли никакой роли, то сейчас уже несколько судей рассматривали дела в даты, указанные в этих документах, считая, что лицо, привлекаемое к административной ответственности, извещено надлежащим образом. Такие ситуации, по словам Глушковой, порождают новые проблемы: «в ОВД всем задержанным, сколько бы их ни было, выписывают обязательства о явке на одно и то же время, и когда они приходят, им говорят, что их дела будут рассмотрены в течение дня, после чего люди могут целый день просидеть в коридоре суда, не имея возможности даже самостоятельно сформировать очередь, потому что судья вызывает их по своему усмотрению».

В конечном счете, и отсутствие информации о заседаниях, и отказ пускать публику на заседания суть примеры пренебрежения важнейшим принципом, — принципом

гласности и открытости судопроизводства. Сюда же относится и отказ от оглашения резолютивной части постановления: так, упоминавшаяся выше судья Замоскворецкого суда Наталья Чепрасова может вообще не вернуться в зал после вынесения решения, а передать копию постановления адвокату через помощницу. «Вообще говоря, это нарушение статьи 6 Европейской конвенции, гарантирующей право на справедливое судебное разбирательство, — говорит Глушкова. — Одним из элементов справедливого судебного процесса является право на публичное слушание, составной частью которого, в свою очередь, является обязанность суда сделать свой вердикт достоянием общественности. В ситуации же, когда решение не провозглашается в судебном заседании, а ни Тверской, ни Замоскворецкий, ни Пресненский суды не вывешивают свои решения на сайтах (хотя должны бы), публика фактически лишена возможности узнать, какое же решение было принято».

Впрочем, иногда заседание неожиданно делается открытым для корреспондентов отдельных телеканалов, причем с нарушением процедуры. Несмотря на то что, как правило, в судах запрещается видеосъемка заседаний, на заседание по делу Сергея Пархоменко пришли корреспонденты НТВ. Как рассказывает Першакова, «мы не говорили о том, что они не могут присутствовать, но пытались, чтобы судья и суд соблюли некие приличия и процедуру. Представителям НТВ следовало бы при нас попросить разрешения на съемку, суду следовало бы всех опросить, после чего судья принял бы решение по своему усмотрению. Если бы все было сделано так, у нас вообще не было бы претензий к суду, поскольку процесс открытый. Но здесь они пришли и сразу начали снимать, и на вопрос, на каком основании, отвечали, что им разрешила пресс-секретарь суда. Документа у них не было. Пресс-секретарь заявила: «Если вы считаете, что вас неправильно снимают, закройте бумажкой».

Напомним, что и сами задержания у Замоскворецкого суда 21 и 24 февраля были во многом вызваны тем, что людей, пожелавших услышать приговор по «Болотному делу», не допускали в здание, что само по себе является нарушением принципа гласности. Однако, по словам Першаковой, «судьи совершенно не хотят слышать соображения о том, что во время оглашения приговора по „Болотному делу“ в Замоскворецком суде не была обеспечена гласность. Более того — в одном заседании судья в ответ на это соображение заявила:

„Вы представляете, чтобы в этом кабинете могла поместиться тысяча человек?“ Таким образом вина сразу перекладывается на людей, которые пришли. Судьям не приходит в голову, что существуют нормальные способы обеспечить публичность — например, видеотрансляция».

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Украина

С началом полномасштабного вторжения в Украину в России стали преследовать тех, кто так или иначе высказывает реакцию на военные действия.

135 1031

Болотное дело

109 446

Болотное дело. Приговор

14 25

Манежка, Красная, Тверская

8 13